

§8 ЛОГИКА И ПОЗНАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Траверсе Т. М.

ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. Предметом исследования является структура политического мышления. В современном мире психологическая характеристика предметности как свойства политического мышления приобретает новое понимание, что обуславливает актуальность данного исследования. Мы считаем, что одним из определяющих аспектов для психологии политического мышления является положение относительно его содержательности. Автор подробно рассматривает предметное политическое поле, в котором действует политический актор (субъект в политике), и которое выступает носителем определённых значений и смыслов. Поэтому предметность решаемых политических задач прежде всего обуславливается социо-культурными условиями и видом выполняемой политической деятельности. Разработана и применена системно-стратегическая концепция политического мышления, в которой оно рассматривается через три компонента (когнитивный, операциональный, регулятивно-личностный) и анализируется с точки зрения таких свойств: предметность, практичность, понятийность, творчество, которые системно организованы и стратегически обусловлены. Предметность мышления обеспечивается выделением актором релевантного материала и включение его в соответствующие мыслительные формы. При смене предметного содержания структура политического мышления также перестраивается. Изменяется не только последовательность тактик в системе мыслительных стратегий, но и состав мыслительных операций в структуре тактик. При этом одни тактики приобретают доминантное значение, изменяется форма мыслительного действия. Сложности, возникающие в реализации мыслительных действий на конкретном политическом материале, указывают на качественную специфику системно-стратегического состава мыслительной деятельности и необходимость его существенной перестройки при смене субпредмета мысли.

Ключевые слова: политика, предметность политического мышления, полипредметность, политическое мышление, политическое сознание, субъект в политике, субпредмет мысли, мыслительное действие, свойства мышления, понятийность.

Review. *The subject of this work is the political thinking structure. In the modern world the psychological characteristic of subjectivity as a property of political thinking acquires a new understanding that conditions the relevance of this study. We consider that one of the defining aspects for psychology of political thinking is the position in relation to its content. The author considers in detail the subject political field, in which the political actor (subject in politics), serves as the bearer of certain meanings and senses. Therefore, the subjectivity of political tasks being solved, first of all, is determined by the social-cultural conditions and types of the executed political activity. The system-strategic conception of political thinking, in which it is considered through three components (cognitive, operational, and regulatory-personal), was elaborated and analysed from the angle of the following properties: subjectivity, practicality, conceptuality, and creativity, which were organized systemically and strategically determined. The subjectivity of thinking is provided by separation of the relevant material by the actor and its inclusion into the corresponding thought forms. Upon the change of content the structure of political thinking also gets rearranged. Not only the sequence of tactics is changed in the system of thinking strategies, but also the content of thinking operations in the structure of tactics. At that some tactics acquire dominant meaning, and the form of thinking action is changed. The complexities emerging in the implementation of the thinking action on the concrete political material, point out the qualitative specificity of the systemic-strategic content of thinking activity and necessity of its substantial rearrangement upon the change of subsubject of the thought.*

Keywords: *mental action, subobject of thought, subject of politics, political consciousness, political thinking, polysubjectness, subjectivity of political thinking, politics, properties of thinking, notionality.*

А драматические события на Украине актуализировали целый ряд проблем, одной из которых является потребность в ориентации субъекта в политике (далее — актора). Что, в свою очередь, связано с политическим сознанием и политическим мышлением как одной из его форм.

В политико-психологической науке мышление в качестве когнитивного компонента включено (преимущественно опосредованно) во множество психологических феноменов политической психики. Термин «политическое мышление» употребляется в политической психологии, хотя однозначной его трактовки не выработано. Накопленный опыт по изучению и исследованию политического мышления свидетельствует, что его рассматривали с точки зрения разных дисциплинарных контекстов. В целом можно выделить описательный, социально-психологический, логико-процессуальный, системный и др. В контексте системного подхода, мы рассматриваем политическое мышление как системно и стратегически обусловленный процесс решения проблем, которые касаются борьбы за статусы и ресурсы социума (или его части). При этом любое предметное мышление, приобретая политико-властную контекстуальность может приобрести черты политического мышления, т.е. политизиро-

ваться. (Например, соотношение вариантов: политически мыслить об экономике или экономически мыслить о политике). И, одновременно, оставляя этот контекст оно теряет смысл политического. Поиск заданных связей в предметном содержании политической проблемы (а далее и политической задачи) составляет сущность политического мышления как интеллектуальной деятельности, связанной с политикой. Этот поиск регулируется соотношением заданных и данных связей и опосредуется оперированием ими. Ведущими свойствами политического мышления мы считаем предметность, понятийность, практичность и творчество.

Одним из определяющих аспектов для психологии политического мышления мы считаем положения относительно его содержательности (предметности). Единство формы и содержания, как отмечают исследователи, не обуславливается самой природой вещей, а осуществляется усилием субъекта и воплощается в его собственной мысли^[7].

Предметная фиксация политического мышления является достаточно размытой. «Не только в обыденном, но и в достаточно научном политическом мышлении политика именно в своём универсализме и абсолютизме оказывается изолированной от всех условий человеческого существования — и тем самым,

не может больше мыслиться как явление или параметр общественной жизни. А политическое мышление не мыслится как явление или параметр социального мышления»^[10]. Нечёткость границ политики обуславливается её свойствами, а именно: непрерывностью, нелинейностью, потенциальной представленностью во всех других сферах бытия (морали, религии, науки, права и экономики) и др.

Отсутствие родового ресурса политической власти, её культурно-историческая обусловленность приводит к тому, что полисемантическими являются понятия и категории, которыми обозначаются объекты политического мышления, нефиксированными являются формы рефлексии и их характер.

Поэтому **целью** данной статьи является психологическая характеристика предметности как свойства политического мышления.

В разработанной нами системно-стратегической концепции политического мышления оно рассматривается через три компонента (когнитивный, операциональный, регулятивно-личностный) и имеет свойства — предметность, практичность, понятийность, творчество, которые системно организованы и стратегически обусловлены^[12]. Предметность мышления обеспечивается выделением фактором релевантного материала и включение его в соответствующие (предметной логике обработки) мыслительные формы^[4, с.13]. «Форма и содержание являются двумя моментами единого целостного процесса, двумя моментами внутренне связанного между собой существенной, а не случайной связью»^[3, с.58].

Специфика предмета мысли (по К. М. Гуревичу) обуславливается тремя аспектами: а) логико-психологическим (то, как внутренняя структура процесса мышления складывается в зависимости от предмета мысли); б) историческим (на каждом этапе развития исторического знания происходит обновление связей и отношений, которые по-новому осмысливаются и формулируются); в) индивидуально-личностным (раскрывает субъективные и индивидуально-психологические предпосылки избирательности мышления^[5]).

Историческая вариативность мыслительных форм фиксируется в разных терминах (познавательная традиция, эпистема и др.).

При этом предметное содержание политического мышления, которое структурируется формой, не остаётся жёстко определённым. Оно изменяется вместе с формами его организации и обработки. Содержание решаемых политических задач не остаётся одним и тем же для людей разных социальных страт, живущих в одно время и на одной территории. В одном и том же объекте в разных субкультурных условиях ситуации доминантными оказываются специфические связи и отношения, те или иные аспекты политического предмета.

Возникновение новых мыслительных форм естественно изменяет характер предметного содержания. Например, типичное европейское политическое мышление средневековья выстраивает мысль на основе абсолютной символичности. «Символический способ мышления, как самостоятельный и сам по себе равноценный, стоит рядом с причинно-порождающим способом. ... Символическое уподобление на основе общности отличительных признаков имеет смысл лишь тогда, когда эти признаки являются для данных вещей чем-то существенным, когда свойства, которыми обладают как символ, так и символизируемое, рассматриваются в качестве их действительной сущности»^[14, с.223].

Символизм является характерным для политического мышления всех эпох, что обуславливается как природой политики, так и социально-психологическими феноменами её существования. Например, иррациональной формой её существования в виде наиндивидуальных надсознательных явлений — «врождённые идеи» (Р. Декарт), архетипы коллективного бессознательного (К. Юнг), космическое сознание (Э. Фромм), коллективные представления (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль) и др. А. Бандура замечает, что люди обладают способностью к символическому творчеству. Оно является «мощным инструментом для понимания окружающей среды, а также для создания и регулирования событий окружающей среды, затрагивающих практически каждый аспект их жизни»^[16, с.62].

Определяющим признаком современного типичного европейского политического мышления является его синтетичность. Ин-

тегрируясь, взаимообогащаясь, символизм, реализм, примитивизм и т.п. становятся взаимозаменяемыми. «Особенности культуры общества должны влиять на то, что его представители будут считать похожим, а что — разным, потому что объединение <...> вещей в категории эквивалентности даёт классификационные группы, которые дают возможность обществу и индивиду разделить мир на единицы. Суждения об эквивалентности превращаются, таким образом, в овеществлённый взгляд на мир, свойственный данной культуре^[1].

В разных исторических условиях один и тот же объект познания может включаться в разные сферы предметного познания. Политические задачи типа «Чей Крым? Чья Аляска?» — могут функционировать в культурном, социальном, экономическом, политическом, географическом и других предметных контекстах одновременно. Более того, в разных социальных слоях они будут уточнены по-разному.

Предметное политическое поле, в котором действует политический актор, функционирует как мир предметов и предметных содержаний, которые выступают носителями определённых значений и смыслов. Субъективная направленность политического мышления на выделение какого-либо предмета из информационного потока действительности проявляется в существовании дифференциации предметных сфер знания (что, к примеру, отражено в типологии видов профессиональной деятельности Е. А. Климова). В каждой такой сфере есть люди, мышление которых наиболее оптимально соответствует особенностям той предметной деятельности, тем задачам, которые им приходится решать.

Это отражено в современной специализации профессиональной политической деятельности. Исследователи отмечают, что наряду с традиционными профессиями правителя, советника, чиновника и сформированными в XIX ст. профессиями парламентарного депутата, партийного функционера или активиста, в XX ст. характеризуется появлением новых политических ремесел^[17]. В этот период формируются профессии лоббиста и аналитика-эксперта, консультанта-технолога (пре-

жде всего в сфере проведения избирательных кампаний) или политического обозревателя в электронных СМИ, Интернете.

Интенциональные ментальные акты («интеллектуальные интенции по М. А. Холодной) являются особенными субъективными состояниями (состояниями направленности ума), которые по своим механизмам являются продуктами эволюции индивидуального ментального опыта, а по форме выражения — такими, которые неопределённо переживаются и одновременно являются устойчивыми чувствованиями». Иначе говоря, механизмами реализации индивидуально-психологических основ снятия противоречий в ходе ориентации человека в условиях множественности альтернатив, определённости относительно конкретного предметного материала^[15].

Изначальная отнесённость к предметности, как «сознание о чём-либо», существует в виде единой структуры акта полагания и предметного смысла, одновременно являясь и фундаментальным отношением человека к миру (Ф. Brentano, Э. Гуссерль). Общая структура объекта и характер связей его сторон составляет содержание мышления. Но содержание само по себе не определяет движения знания в мышлении. Эта динамика задаётся при помощи мыслительных действий, которые осуществляют определённую последовательность рассмотрения и отражения отношений сторон данного содержания. Такая последовательность структурирования сторон содержания в мысли является формой^[8]. Связь элементов содержания не возможна вне этой формы, а само по себе, не будучи оформленным, содержание не может выступать как предмет в реальном процессе политического мышления.

«Функции мышления зависят от строения мыслей, которые функционируют. Ведь любое мышление устанавливает связь между частями действительности, которые каким-то образом представлены в сознании. Значит то, каким способом представлена действительность в сознании, не может быть безразличным для возможных операций мышления. Говоря по-другому, разные функции мышления не могут не зависеть от того, что функци-

онирует, что движется, что является основой данного процесса <...> функция мышления зависит от структуры самой мысли» [3, с.289].

Предметное содержание политики является множественным. К политике включаются любые идеи, оказываясь составляющими конкретной ситуации, номинально политизируются. То есть явления социальной жизни включаются в когнитивное содержание политического мышления наряду с другими элементами, которые по природе (по нормативным функциям) являются политическими. Тем самым оказываются когнитивным содержанием данного конкретного акта политического мышления. Исследователи отмечают непроизвольность в генерировании когнитивного содержания политики.

Это, в свою очередь, усложняет систематизацию когнитивного содержания и возможность его изучения. «Среднемыслящему, слабо политизированному жителю земли приходится разбираться в том, что важнее — проблема безработицы или стандартизация сыров в современной Европе. Или же что опаснее — глобальное потепление, терроризм или курение в общественных местах ... что хуже для страны — война в Ираке, или когда глава страны врёт по поводу войне в Ираке?» [10, с.17-19]. Политическое мышление одновременно имеет как специфический предмет (собственно политику), так и смежный, элементы которого входят из предыдущего опыта значимой деятельности актора. Изменения предметной специфики политического мышления возникают в процессе дифференциации уже существующих областей знания (что отражено в специализации профессиональной политической деятельности).

Размытость, аморфность предмета политики является относительной. Известно, что любая социальная проблема при определённых обстоятельствах приобретает характеристики политической, а, возможно, и, превращаясь в политическую, переходит в сферу политики. Так, учёные говорят о массовом интересе к социальной проблеме, его постоянности во времени и наличии противоречивых точек зрения относительно предмета проблемы [2], т.е. речь идёт о социально-психологических факторах политизации обще-

ственной проблемы, которые обуславливают проявление и актуализацию политической сферы общества, прежде всего на ментальном уровне.

Иначе говоря, если масса людей думает об одном и том же явлении, постоянно, конфликтно-неоднозначно и определённое время, то предмет мысли становится политическим. Например, тема языка или религии (веры) — это те предметы мысли в контексте политики, которые при указанных условиях мгновенно становятся политическими, и такими существуют возможно долго (например, этно-политические конфликты). Но это не гарантирует появления собственно политического мышления как специального мышления актора. Так, можно говорить о мышлении о политике.

«Говоря о мыслительном процессе, нельзя забывать, что и он реально осуществляется относительно к определённому предметному содержанию ... мышление выступает в виде огромного разнообразия разных операций, обусловленных структурой соответствующей предметной области» [11, с.48].

Операциональный состав понятийной мысли обуславливается качественной специфичностью учтённых признаков содержания, который представлен в предмете мысли. В реальном процессе мышления, т.е. при постановке человеком определённой задачи предмет мысли может существенно изменяться. При этом сам объект остаётся неизменным. Рассматривая объект в разных аспектах, связях, отношениях субъект вроде «вычерпывает из объекта разное содержание» [11, с.48].

Выявление в одном и том же объекте определённых признаков и их переработка в соответствующих формах мыслительных действий определяется качественной спецификой предмета мысли. Так, математическое содержание понятия «валовой продукт», будучи включённым в контекст политического анализа, приобретает новые предметные характеристики, что связано с проблемой возникновения политических понятий и их использованием.

При этом обязательной является связь формально выраженных способов оперирования с самим предметным политическим со-

держанием. Поскольку в случае её отсутствия мысль функционирует как абстрактно-символическая оболочка (например, политические лозунги) или как жёстко заданная последовательность операций (например, стереотипы, алгоритмы в политике). Содержание и форма мысли являются принципиально неотделимыми друг от друга.

Политическое мышление является полипредметным в том смысле, что может трансформироваться и существовать как «неполитическое» относительно своей природы. Так, если взять за основу тезис о том, что политика является наиболее широким контекстом в жизни (не важен при этом способ достижения такого состояния общества), то политическое мышление (в котором базовым является политика как предмет) можно считать первичным относительно социального мышления. В противном случае, когда политику считать отдельной социальной функцией жизни социума — политическое мышление становится одним из вариантов социального мышления.

Можно говорить о соотношении экономики и политики как предметов в политическом мышлении, где экономическое мышление будет определяющим, а значит, политическая сфера как предмет мышления является производной от экономической (что отражено в явлениях консумеризма политики, олигархии как формы правления, экономической политики как функции политической власти). В терминах «информационная политика», «образовательная политика», «культурная политика» зафиксирована полипредметность (т.е. преломление политического мышления через другой предмет общественно-политической жизни социума). Здесь политическая деятельность является основой для использования одного и того же мыслительного приёма в целом ряде субпредметов. При этом остаётся не выясненным вопрос относительно того, как в мыслительной деятельности детерминируется такой переход и что происходит в границах «межпредметного перехода». То есть теоретическая дифференциация на универсальные и предметно-специфические по своему составу мыслительные действия имеет место, но которая достаточно

специфически существует в политической практике, даже до констатации её отсутствия. И в этом случае от конкретного носителя мышления зависит структура и иерархия предметности политического мышления. В крайних вариациях речь идёт о мышлении журналиста — когда он является политическим обозревателем или комментатором, или мышления политика — когда журналист является политическим пропагандистом. Представители структурированного коллективного насилия (милиция, спецслужбы, военные) воплощая легитимную политическую власть, имеют (в идеале) сформированное соответствующее профессиональное мышление, которое можно считать специфицированным вариантом политического мышления, если считать войну «продолжением политики другими средствами» [6].

Выводы. В результате нашего исследования мы пришли к выводам о том, что при смене предметного содержания структура политического мышления также перестраивается. Изменяется не только последовательность тактик (систем мыслительных операций) в системе мыслительных стратегий, но и состав мыслительных операций в структуре тактик. При этом одни тактики приобретают доминантное значение, изменяется форма мыслительного действия. Это происходит как в рамках одной стратегии (например универсальной, которая больше характерна для профессиональных политиков), так и в рамках отдельной стратегической тенденции, которая потенциально стремится к превращению в стратегию, так и в продуцировании метастратегий.

Сложности, которые возникают в реализации мыслительных действий на конкретном политическом материале, указывают на качественную специфику системно-стратегического состава мыслительной деятельности и необходимость его существенной перестройки при смене субпредмета мысли.

Предметно содержательные компоненты мыслительных действий (в узком значении, т.е. как субпредметные) являются значимыми на первичных уровнях понимания задачи и собственно её решения. Это обуславливается ограниченностью, например, предмет-

ного содержания математики, относительно предметного содержания политики, то есть когда политическая задача решается в рамках математического предмета. Но в широкой трактовке предметности политического мышления его предметно-содержательные характеристики обуславливают наивысший

уровень ориентации в задачной политической ситуации, что обуславливается стратегической организацией универсальных и специальных компонентов мыслительного действия. Но проблема соотношения предметных содержаний в политическом мышлении требует отдельного научного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брунер Дж. Исследование развития познавательной деятельности / Дж. Брунер, Р. Оливер, П. Гринфилд. — М.: Педагогика, 1971. — 391 с.
2. Васютинський В. Інтеракційна психологія влади: монографія / В. Васютинський. — К.: КСУ, 2005. — 492 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Собр. соч. : в 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 2. — 404 с.
4. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного / Г. Г. Гадамер. — М.: Искусство, 1991. — 368 с.
5. Гуревич К. М. Проблемы дифференциальной психологии / К. М. Гуревич. — М.; Воронеж: МОДЭК, 1998. — 131 с.
6. Клаузевиц К. Ф. О войне / К. Ф. Клаузевиц; пер. А. К. Рачинского. — М.: ЭКСМО, 2013. — 512 с.
7. Коул М. Культура и мышление. Психологический очерк / М. Коул, С. Скибнер. — М.: Прогресс, 1977. — 261 с.
8. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления / М. К. Мамардашвили. — М.: Азбука-Аттикус, 2011. — 288 с.
9. Марков С. А. Политические профессии / С. А. Марков // Политика. — 1999. — № 2. — С. 8–19.
10. Пятигорский А. М. Размышляя о политике / А. М. Пятигорский, О. Б. Алексеев. — М.: Новое издательство, 2008. — 190 с.
11. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования / С. Л. Рубинштейн. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 145 с.
12. Траверсе Т. М. Системно-стратегіальна концепція політичного мислення (загальні положення) / Т. М. Траверсе // Актуальні проблеми психології: збірн. наук. праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка НАПНУ (2014). К.: Фенікс, 2014. — Т. XII. Психологія творчості. — Вип. 19. — С. 236–241.
13. Хайдеггер М. Что значит мыслить? / Хайдеггер М. // Разговоры на просёлочной дороге: Избран. статьи позднего периода творчества / пер. с нем. — М.: Высшая школа, 1991. — С. 134–145.
14. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Й. Хёйзинга; под ред. С. С. Аверинцева. — М.: Наука, 1988. — 540 с.
15. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / Холодная М. А. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2002. — 272 с.
16. Bandura A. Social cognitive theory and mass communication / Albert Bandura // Media effects: Advances in theory and research / Bryant J. & Zillman D. (Eds.). — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc, 1994. — 505 p.
17. Linn L. Public Management as Art, Science and Profession / L. Linn. — N.Y.: Chatam, 1996. — 147 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bruner Dzh. Issledovanie razvitiya poznavatel'noi deyatel'nosti / Dzh. Bruner, R. Oliver, P. Grinfeld. — M.: Pedagogika, 1971. — 391 s.
2. Vasyutins'kii V. Interaktsiina psikhologiya vladi: monografiya / V. Vasyutins'kii. — K.: KSU, 2005. — 492 s.

3. Vygotskii L. S. Myshlenie i rech' / L. S. Vygotskii // *Sobr. soch.*: v 6 t. — M.: Pedagogika, 1982. — T. 2. — 404 s.
4. Gadamer G. G. Aktual'nost' prekrasnogo / G. G. Gadamer. — M.: Iskusstvo, 1991. — 368 s.
5. Gurevich K. M. Problemy differentsial'noi psikhologii / K. M. Gurevich. — M.; Voronezh: MODEK, 1998. — 131 s.
6. Klauzevits K. F. O voine / K. F. Klauzevits; per. A. K. Rachinskogo. — M.: EKSMO, 2013. — 512 s.
7. Koul M. Kul'tura i myshlenie. Psikhologicheskii ocherk / M. Koul, S. Skibner. — M.: Progress, 1977. — 261 s.
8. Mamardashvili M. K. Formy i sodержanie myshleniya / M. K. Mamardashvili. — M.: Azbuka-Attikus, 2011. — 288 s.
9. Markov S. A. Politicheskie professii / S. A. Markov // *Politiya*. — 1999. — № 2. — S. 8–19.
10. Pyatigorskii A. M. Razmyshlyaya o politike / A. M. Pyatigorskii, O. B. Alekseev. — M.: Novoe izdatel'stvo, 2008. — 190 s.
11. Rubinshtein S. L. O myshlenii i putyakh ego issledovaniya / S. L. Rubinshtein. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. — 145 s.
12. Traverse T. M. Sistemno-strategial'na kontseptsiya politichnogo misleniya (zagal'ni polozhennya) / T. M. Traverse // *Aktual'ni problemi psikhologii: zbirn. nauk. prats' In-tu psikhologii im. G. S. Kostyuka NAPNU (2014)*. K.: Feniks, 2014. — T. KhII. Psikhologiya tvorchosti. — Vip. 19. — S. 236–241.
13. Khaidegger M. Chto znachit myslit'? / Khaidegger M. // *Razgovory na proselochnoi doroge: Izbran. stat'i pozdnego perioda tvorchestva / per. s nem.* — M.: Vysshaya shkola, 1991. — S. 134–145.
14. Kheizinga I. Osen' Srednevekov'ya. Issledovanie form zhiznennogo ukalada i form myshleniya v KhIV i KhV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh / I. Kheizinga; pod red. S. S. Averintseva. — M.: Nauka, 1988. — 540 s.
15. Kholodnaya M. A. Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya / Kholodnaya M. A. — 2-e izd., pererab. i dop. — SPb.: Piter, 2002. — 272 s.
16. Bandura A. Social cognitive theory and mass communication / Albert Bandura // *Media effects: Advances in theory and research / Bryant J. & Zillman D. (Eds.)*. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc, 1994. — 505 r.
17. Linn L. Public Management as Art, Science and Profession / L. Linn. — N.Y.: Chatam, 1996. — 147 r.